

— Да, у вас дома всего хватает, но это — моя искренняя благодарность! В такую стужу вышли ради меня — ведь совсем замёрзли! — говорил Вэнь Жунь, хотя на самом деле уже давно распорядился всё приготовить.

Дедушка Чжан не смог отказаться и ушёл домой, неся под мышкой бараний окорок.

Но в душе он чувствовал себя очень умиротворённо: Вэнь Жунь, хоть и цзюйжэнь, всё равно с глубоким уважением относится к старшим. А ещё он увидел, как живут дети в доме Ван: не только учатся, но и сыты, накормлены. Неудивительно, что многие из них даже поправились! Только вот... хватит ли скромной платы за обучение (шусю) на то, чтобы накормить столько детей?

Если прикинуть по-честному — конечно, не хватит!

Если бы Вэнь Жунь кормил их простой постной едой, может, и хватило бы на половину. Но чем он их кормит?

Осенью, в знак благодарности за освобождение от налогов, почти каждая семья в деревне принесла семье Ван дары: выращенных кур, уток, гусей, свиней, баранов, а также осенние овощи и зерно. Старой семье Ван всего этого было явно не съесть, и Вэнь Жунь не собирался быть скупым скупцом вроде Гобсека или «железным петухом», который не даёт ни перышка.

«Беру у народа — использую на благо народа».

Раз уж всё это добро вышло из-за зубов у крестьян, значит, он направит его на детей.

Вот почему Вэнь Жунь так щедр — а дети обязательно расскажут дома, что именно они ели у учителя.

Кто привёл барана — запомнится!

Кто принёс кур и гусей — тоже не забудется!

Именно так и задумывал Вэнь Жунь: пусть все знают — он не жадный господин, что наживается на бедняках.

Проводив дедушку Чжана, Вэнь Жунь заглянул к ученикам. Всё отлично: никто не дремлет, все тихонько и сосредоточенно заучивают «Таблицу умножения „девять на девять“».

Днём он обучал их сложению и вычитанию. Как только все выучат таблицу умножения, можно будет переходить к умножению и делению.

Сам Вэнь Жунь глубоко изучал «Цзюйчжан суаньшу» («Девять глав математического искусства») — древний китайский трактат по математике. Конечно, в древности были учёные, разбиравшиеся в числах, но уж точно не все. А уж деревенские дети и подавно не умели считать. Поэтому он преподавал по-своему — так, как сам понимал и считал нужным.

Вечером метель не утихала, хотя снег пошёл слабее, но ветер всё ещё свирепствовал. Вэнь Жунь оставил детей переночевать: места хватит — на одном тёплом кане спокойно улягутся десять-восемь ребят, и не тесно.

А на ужин подали тушёного гуся, суп «Яньдусянь» (свежая и солёная свинина с бамбуковыми побегами), да ещё и белый рис — почти как на Новый год!

С детьми в доме огромный особняк наполнился смехом и радостью. Дети из семей Чэн и Лю даже поселились вместе со своими дядьями. Девочки, будучи ещё маленькими, перебрались в задние комнаты, и у Ван Мэй появилось множество подружек.

Целая компания девчонок собралась вместе — и даже в «игру с верёвочкой» (фаньхуасюнь) они играли с огромным удовольствием.

Метель бушевала три дня подряд и лишь на четвёртый наконец прекратилась — выглянуло солнце.

На пятый день Вэнь Жунь посмотрел на календарь: пятнадцатое число. Решил отпустить детей домой.

Один день отдыха пойдёт на пользу: можно навестить родителей. Хотя все живут в одной деревне, но в такую стужу, да ещё с учётом того, что дом Ван довольно большой и удалён, многие просто не ходят сюда без дела.

Вэнь Жунь строго запретил трём своим подопечным долго гулять на улице:

— Только днём выходите немного подышать свежим воздухом. На улице слишком холодно, вы ещё малы. Поиграете на улице, когда подрастёте.

В эту эпоху даже обычная простуда могла легко закончиться смертью, а Вэнь Жунь совершенно не разбирался в медицине. Он знал лишь несколько древних рецептов традиционной китайской медицины, но даже не успел ещё приготовить лекарства.

Лучше вообще не выходить!

— Поняли, гэфу, — послушно ответили трое детей.

— Ладно... может, днём всё-таки можно немного погулять, — сам же Вэнь Жунь тут же передумал. — Только утром и вечером — ни в коем случае! И одевайтесь потеплее.

Он понимал: если совсем запретить выходить, детям будет скучно. Да и в деревне все дети их возраста сейчас на улице бегают.

Его непоследовательность вызвала смех у Ван Цзюэ:

— Гэфу, мы же не маленькие — сами знаем, как себя вести, чтобы не заболеть.

Их отец когда-то простудился, не придавал этому значения — и через несколько дней умер. Мать после этого слегла, но отказывалась от лекарств, боясь ещё больше обеднить семью, и в итоге тоже умерла, мучаясь от болезни.

Поэтому они берегут своё здоровье как зеницу ока и ни за что не заболеют.

Правда, об этом гэфу говорить не стоило... но заботу его они почувствовали всем сердцем.

Вэнь Жунь думал, что после нескольких дней метели и пасмурной погоды наконец-то наступит ясный день.

Но едва солнце показалось на несколько дней — снова пошёл снег. Только теперь это был не крупный, как на северо-востоке, «гусиный пух», а мелкая, рассыпчатая снежная пыль. Ни одна снежинка не была целой — всё крошево, мелочь.

Мягкий, пушистый снег, но зато везде проникает.

Утром, выйдя из дома, Вэнь Жунь ступил на землю — и раздался характерный «скрип». От этого звука по коже побежали мурашки.

За завтраком Ван Цзюэ сказал:

— Через несколько дней уже лаюэ (двенадцатый лунный месяц). Не пора ли готовиться к Новому году?

— Ах да, уже лаюэ? — задумался Вэнь Жунь. — После «лацзячжоу» (каши восьмого дня лаюэ) и начинают готовиться к празднику.

— Завтра уже седьмое, гэфу, — напомнил Ван Цзинь. — Послезавтра будем варить кашу.

— Уже так скоро? — Вэнь Жунь поднял голову. — Тогда сегодня вечером велю приготовить всё

для каши — будем есть послезавтра!

После завтрака дети пришли на занятия — опять и ветер, и снег. Вэнь Жунь сразу сказал:

— В такие дни вы не пойдёте домой. Останетесь до первого числа нового года!

Идти туда-сюда сквозь метель? Да и Ляньхуаао — не ровное поле, дороги здесь извилистые и трудные.

— Есть, учитель! — дети были послушны.

— Сегодня мы разберём отрывок из «Цяньцзы вэнь»:

«Золото рождается в реке Лишуй,

Нефрит добывают у горы Куньган.

Меч зовётся Цзюйцюэ,

Жемчуг — Егуан».

Вэнь Жунь открыл книгу перед собой:

— Чтение и письмо помогают понять истину, но важно ещё и осознавать, что именно здесь имеется в виду.

Он ведь не был настоящим учёным этой эпохи. В его прошлой жизни главное значение имело именно толкование и исследование древних текстов. Поэтому он стремился донести это и до детей.

Просидев за уроками все утро, к обеду подали ароматные молочные булочки — по три штуки на человека — и наваристый бульон из старой курицы. В миске каждого ребёнка лежало по два кусочка мяса.

Тем, кто хорошо себя проявил, дополнительно выдавали по половинке куриной ножки — в качестве поощрения.

Днём дети учились считать на счётах и разбирали «Цзюйчжан суаньшу» («Девять глав математического искусства»). И тут Вэнь Жунь заметил интересную закономерность: те, кто отлично справлялся утром, днём могли оказаться не такими уж прилежными.

— У тебя, получается, склонность к точным наукам? — спросил он, глядя на второго внука дедушки Чжана. Утром, когда читали «Цзяньцзы вэнь», мальчик весь извивался, как на иголках: иероглифы он знал все, но только узнавал — не более того. Писал он неплохо, но всё же уступал старшему брату, первому внуку семьи Чжан.

А вот днём, когда началось занятие по «Цзюйчжан суаньшу», он вдруг ожил: пальцы так и порхали по костяшкам счётов, всё считал молниеносно и без ошибок.

— Учитель, я уже умею читать, и всё, что вы объясняли, я запомнил, — сказал мальчик. — Но вот с чтением у меня не очень... А вот считать — это я люблю!

— Ах ты! — Вэнь Жунь ласково потрепал его по голове. — Так тебе и правда нравится арифметика?

— Да! — кивнул маленький Чжан. — Когда вы объясняете математику, я сразу всё понимаю. А вот про смысл текстов... Вы объясняли дважды, я вроде бы и понял общую идею, но точно выразить не могу.

Мальчик прекрасно осознавал свои сильные и слабые стороны.

— Хорошо, раз тебе это нравится — учишься вовсю, — сказал Вэнь Жунь и обвёл взглядом остальных. — Вы все ещё малы, у вас впереди масса возможностей. Кому что даётся лучше — тому и занимайтесь. Я не стану никого заставлять.

— Но, учитель... — робко подал голос Ян Му, сидя с надеждой в глазах. — Ведь только если хорошо учиться и сдать экзамены, можно получить учёную степень и прославить род! «Цзюйчжан суаньшу» — это всего лишь счётное искусство, одна из ветвей знаний. Даже если отлично в ней разбираться, какой в том прок? Разве что стать счетоводом...

Ян Му был старшим сыном в семье Ян. В эту эпоху на старшего сына ложилась огромная ответственность: он должен был унаследовать хозяйство, заботиться о родителях до их конца и быть опорой всей семьи. В некоторых местах таких называли даже «домовой опорой».

Его мечтой было стать таким же, как Вэнь Жунь — только без замужества, конечно. Он стремился сдать экзамены, стать суйцаем, потом цзюйжэнем и принести славу Ляньхуаао.

И учился он действительно усердно: ума, может, и не хватало, но старания было хоть отбавляй.

Живя недалеко от дома Ван, он с детства дружил с двумя братьями Ван. Втроём они занимались вместе, и стоило кому-то чего-то не понять — тут же бежали к Вэнь Жуню за разъяснениями.

Вэнь Жунь высоко ценил его упорство: при таком трудолюбии сдать экзамен на суйцая —

вполне реально.

— Но ведь всё зависит от того, где именно ты будешь счетоводом, — возразил Вэнь Жунь. — Наука делится на множество направлений, и ни одно из них не бесполезно. Ты думаешь, «Цзюйчжан суаньшу» ни к чему? Просто сейчас тебе это не нужно. Но кто знает, пригодится ли позже? Допустим, ты получил учёную степень и стал чиновником. Знаешь ли ты, что именно от тебя потребуются? Как минимум — уметь читать бухгалтерские книги! Например, став уездным начальником, ты будешь принимать дела от предшественника: проверять общие и личные счета администрации, сверять записи о количестве земельных наделов, численности населения, порядке сбора налогов, объёмах зерновых запасов...

— Но, учитель, разве для этого не нужны секретари и советники? — почти хором воскликнули дети.

Особенно Ян Линь:

— Отец рассказывал: когда они сдавали налоги — серебро и зерно, — их принимали только счетоводы, секретари, кладовщики... Самого уездного начальника они и в глаза не видели!

— Да, уездной начальник, наверное, очень занят!

— Я ему и вовсе ни разу не видел! А мне уже двенадцать!

— А вот секретаря Мао я видел! Такой важный...

— А я хочу стать счетоводом! Я видел, как они сидят — так важно и гордо!

Дети загалдели, перебивая друг друга, а потом все разом уставились на Вэнь Жуня, ожидая ответа.

— Хороший счетовод тоже может войти в историю, — улыбнулся Вэнь Жунь. — Вы слышали о Сань Хуньяне?

Дети недоумённо покачали головами. Такого имени они не знали. Да и фамилия «Сань» в Ляньхуаао не встречалась — никого с такой фамилией они не знали.

— Сань Хуньянь родился в купеческой семье, — начал рассказывать Вэнь Жунь. — В тринадцать лет его пригласили ко двору за исключительные способности к устному счёту. Впоследствии он занимал должности советника императора, заместителя министра финансов, управляющего зерновыми запасами, а затем и самого министра финансов. Он был выдающимся политиком и финансистом эпохи Западной Хань, одним из регентов при императоре У-ди, и дослужился до поста заместителя канцлера (юйши дафу)!

Весь этот день Вэнь Жунь не давал обычных уроков — он рассказывал детям о Сань Хуньяне.

Затем упомянул Гуань Чжуня, Бао Шуя, Ся Юаньцзи и других великих экономистов истории. Конечно, в их время всех их называли просто... счетоводами.

— Если ты станешь счетоводом при дворе, счетоводом всей Поднебесной, — подытожил Вэнь Жунь, — то твоё имя войдёт в историю, и ты принесёшь пользу стране и народу. Дети, путей в знаниях — тысячи. Главное — выбрать тот, что тебе по душе. Учёба — это не одна дорога. Даже если ты станешь министром финансов (хубу шаншу), но не будешь разбираться в цифрах, тебя легко обманут. И виноватым окажешься ты сам — ведь не сумел проверить счета! Не умел их читать! Даже будучи уездным начальником, если ты не умеешь проверять отчёты, не понимаешь счётов и не владеешь арифметикой, твои подчинённые — будь то советники, секретари или сборщики налогов — всё равно люди. А у людей есть корысть. Перед лицом народных денег и зерна, нажитых потом и кровью, устоит ли кто? Что они творят в деревнях — откуда тебе знать? Только если сам всё увидишь, услышишь и почувствуешь, ты поймёшь истину. Например, при замере земли: на деле пятьсот му, а в отчёте — триста. Остальные двести му облагаются налогом втихую, и доходы с них делят между собой. А когда народ взбунтуется от поборов, первым под удар попадёшь ты! Ведь люди скажут: «Налоги слишком велики, мы не выживем!» А ты в это время будешь сидеть в неведении, ничего не понимая!

Он говорил не просто так. В древности многие чиновники именно так и поступали: все решения принимали их советники, расчёты вели секретари, дела вели заместители. А сами? Сидели в главном зале, мечтали о повышении и редко кто занимался настоящим делом.

— К тому же, — добавил Вэнь Жунь, преподнося детям ещё один урок, — вы думаете, что советники, секретари, сборщики, конюхи и старшины стражи работают бесплатно?

Один годовой оклад уездного начальника — меньше ста лянов серебра! И выдаётся он не ежемесячно, а раз в квартал!

В этой династии система окладов была весьма любопытной. Обычный уездной начальник получал в год 90 лянов серебра. Конечно, это касалось среднего уезда. Если же речь шла о «верхнем уезде» (шансянь), оклад составлял уже 100 лянов. А в особых случаях — например, в пригородных уездах столицы, таких как уезд Ваньянь, — годовой доход мог достигать даже 120 лянов серебра!

При этом эти 90 лянов не выдавались помесечно, а выплачивались раз в квартал: по одному разу с января по июль. Такая система, включавшая так называемую «одну выплату с пятью задержками» («выплата с задержкой»), была призвана удерживать чиновников на службе.

В эту эпоху, когда материальные ресурсы были скудны, а экономика отставала, Вэнь Жунь однажды прикинул, сколько же стоил один лян серебра в пересчёте на деньги его прошлой жизни.

Он использовал для расчёта цену на рис — ведь зерно всегда было твёрдой валютой.

Судя по уровню цен того времени, один лян серебра позволял купить более ста цзинь (около 60 кг) риса.

В его прошлой жизни цена на рис составляла примерно 3 юаня за цзинь. Значит, покупательная способность одного ляна серебра эквивалентна примерно 300–500 современным юаням.

Если добавить к официальному окладу различные надбавки — «подарки на лёд» и «подарки на уголь» («бинцзин», «таньцзин»), плюс «три праздника и два дня рождения» (традиционные поводы для взяток и подношений), то за год уездной начальник мог скопить ещё около 300–500 лян серебра «сверх оклада».

Для одного человека таких денег хватило бы с головой...

Но ведь уездной начальник — не одинокий отшельник! У него семья, слуги, прислуга — целый дом полный ртов, требующих еды. Да и как быть с обязательными «подарками»? Когда старшие чиновники ждут «бинцзин» и «таньцзин», когда наступают «три праздника и два дня рождения» — разве можно не проявить «уважение»?

А ведь и самому нужно соответствовать статусу: выезжать в карете или на лошади, иметь при себе слуг, мальчиков на побегушках, горничных... Хотя бы одну няню-помощницу нанять придётся! Не станешь же сам стирать, готовить, заправлять постель и подметать пыль?

<http://bllate.org/book/15642/1398069>